

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**БАБОЧКА
МАНДАРИНА**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

...Лучше вступить в брак, нежели разжигаться.

Савл из Тарса¹

— Он Безумный Ученый, а я его Красавица Дочь.

Так она прямо и сказала. Самый древний из штампов ранней научной фантастики. Откуда бы ей, в ее-то возрасте, знать раннюю фантастику?

Когда кто-нибудь говорит глупость, лучше всего сделать вид, что ты ничего не слышал. Я продолжал танцевать и между делом поглядывал вниз, в глубокий вырез ее вечернего платья. Там все было как надо. Отличный вид. Никакого поролона.

Танцевала она хорошо. По нынешним временам девушки, даже специально учившиеся бальным танцам, так и норовят обвиться у тебя вокруг шеи, чтобы ты катал их на себе по залу. Эта передвигалась целиком на собственных ногах, держалась близко, но не прижималась, и понимала, куда я сейчас поведу ее в вальсе, за долю секунды до того, как я менял направление. Идеальная партнерша — пока не заговорит.

— Ну так что? — не пожелала она молчать.

Мой дед с отцовской стороны, препротивный старый реакционер — феминистки его линчевали бы, — часто повторял: «Зебадия, наша ошибка не в том, что мы их обули и обучили грамоте. Чего ни в коем случае нельзя было делать — так это учить их говорить!»

Легким движением руки я подал сигнал к пируэту; она выполнила вращение и вернулась обратно в мои руки точно в такт. Я повнимательнее рассмотрел ее руки и утолчки глаз.

¹ 1 Кор. 7: 9. — *Примеч. перев.*

Да, она действительно была молода — минимум восемнадцать (несовершеннолетних Хильда Корнерс к себе на вечеринки не приглашала), максимум двадцать пять, в первом приближении двадцать два. Но танцевала она так, как умело только поколение ее бабушек.

— Ну так что? — повторила она, теперь уже более настойчиво.

На сей раз я не стал пытаться скрыть направление своего взгляда.

— Скажите, это они от природы держатся так горизонтально? Или у вас там невидимый бюстгальтер? Не трудно быть единственной опорой таких двойняшек?

Она посмотрела вниз, потом вверх, губы ее расплылись в улыбке.

— Да. Торчат. Но вообще-то, вы нахал, наглец, грубиян и пытаетесь сменить тему.

— Кто пытается? Я пытаюсь? По-моему, это вы на мой бесхитростный вопрос ответили амфигорией¹.

— Ну надо же, «амфигорией». Я ответила четко и ясно.

— Амфигория, — повторил я. — Вы употребили слова «безумный», «ученый», «красавица» и «дочь». Первое слово имеет несколько разных значений, все остальные — предполагают субъективные суждения. В итоге семантическое содержание сводится к нулю.

Она не разозлилась — скорее задумалась:

— Что ж, папа не совсем бешеный... хотя я действительно употребила слово «безумный», имея в виду множественные значения. Я, пожалуй, согласна, что «ученый» и «красавица» содержат субъективные характеристики, но при чем тут «дочь»? Вы же не сомневаетесь, какого я пола? А если сомневаетесь, то хватит ли у вас квалификации, чтобы проверить наличие у меня двадцать третьей пары хромосом? Спасибо медицине, сейчас вокруг полно транссексуалов, так что менее радикальные методы проверки вас не устроят, я полагаю?

— Я предпочел бы контрольный эксперимент в полевых условиях.

¹ *Амфигория* — прозаическая или поэтическая вычурная бессмыслица. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Как, прямо *посреди зала*?

— Зачем же? В кустах за бассейном. Квалификации у меня достаточно как для лабораторных условий, так и для полевых. Но когда я говорил о субъективности символа «дочь», я имел в виду отнюдь не пол, это как раз поддается верификации с помощью объективных данных. Хотя, собственно, к чему верификация, если данные столь выдающиеся?

— Не такие уж они и выдающиеся, всего девяносто пять сантиметров в окружности! Совсем немного для моего роста. Сто семьдесят босиком, сто восемьдесят на этих каблуках. Просто у меня совершенно осиная талия: сорок восемь сантиметров, и это при том, что вешу я пятьдесят девять кило.

— И зубы у вас не вставные, и перхоти у вас нет. Успокойтесь, Ди-Ди, я вовсе не хотел поколебать вашу уверенность в себе.

Что я не отказался бы поколебать, так это ее выпуклости, действительно выдающиеся во всех отношениях. К этим предметам у меня пристрастие с младенчества, мне еще шести не было, а я уже это осознал — шести месяцев, разумеется.

— Но символ «дочь», — продолжал я, — предполагает не одно, а два утверждения. Одно, насчет пола, объективно верифицируемое, а другое субъективное, даже если его высказывает судебно-медицинский генетогематолог.

— Бог ты мой, какие длинные слова вы знаете, мистер. То есть, простите, доктор.

— Именно мистер. В этом университете нет никакого смысла титуловать человека доктором, тут у каждого докторская степень. Даже у меня «Д. Ф.»¹. Знаете, что это значит?

— Кто же этого не знает. У меня тоже «Д. Ф.». «Долби и Фонтанируй».

Я быстренько переоценил ее возраст, приняв в качестве второго приближения двадцать шесть.

— В какой же области вы заработали степень? Физвоспитание, что ли?

— Мистер доктор, вы напрасно пытаетесь меня достать. Не сработает. Студенткой я специализировалась по двум

¹ Д. Ф. — доктор философии, низшая ученая степень, часто без конкретной специализации. — *Примеч. С. В. Голд.*

предметам: один был действительно физвоспитание, и я получила право его преподавать — на тот случай, если понадобится работа. Но по-настоящему я занималась математикой, что и продолжала делать в аспирантуре.

— А я-то думал, что Ди-Ди означает Doctor of divinity.

— Доктор богословия?

— Или «божественный доктор», если хотите.

— Фу, пойдите вымойте рот с мылом! На самом деле я «Дити» — это мои инициалы: «Д. Т.», Ди-Ти. Официально же я «доктор Д. Т. Берроуз» — «доктор», потому что «мистером» я быть не могу, а «миз»¹ или «мисс» — не желаю. Вот что, мистер: считается, что я должна поразить вас своей ослепительной красотой, а затем околдовать обаянием женственности, но, я смотрю, это не очень получается. Попробуем с другого конца. Расскажите мне, что вы там долбили и чем фонтанировали.

— Дайте припомнить. Чем же я занимался-то? Отливкой блесен? Или плетением корзинок? Знаете, это была одна из тех междисциплинарных тем, в которых ни один ученый совет ничего не понимает, так что в конце концов диссертацию просто взвешивают на весах, и все. Я разыщу ее и посмотрю, какое название дал ей парнишка, который ее написал.

— Не трудитесь. Ваша диссертация называется «Некоторые особенности шестимерного неньютонова континуума». Папа хочет ее с вами обсудить.

Я остановился, перестав вальсировать:

— Вот это да! Может, ему все-таки лучше поговорить не со мной, а с тем, кто действительно это написал?

— Не врите. Я видела, вы моргнули. Все, попались ко мне на крючок. Папа хочет побеседовать с вами о вашей диссертации, а потом предложить вам работу.

— *Работу?* Ну уж нет! Считайте, что я сорвался с крючка.

— О господи! Теперь папа *действительно* обезумеет. Ну пожалуйста! Умоляю вас, сэр!

— Вы сказали, что имели в виду различные смыслы слова «безумный». Я что-то не совсем понял...

¹ Нейтральное обращение к женщине, не отражающее ее семейное положение, в отличие от «мисс» и «миссис». — *Примеч. С. В. Голд.*

— Мой папа «безумный» в смысле «сердитый», потому что коллеги не желают его слушать. А также «безумный» в смысле «полоумный» — по мнению некоторых его коллег. Они говорят, что его работы — сплошная бессмыслица.

— А они не бессмыслица?

— Я не настолько сильный математик, сэр. В основном занимаюсь тем, что оптимизирую программное обеспечение. Детские игрушки по сравнению с n -мерными пространствами.

Высказывать свое мнение на этот счет мне, к счастью, не пришлось: зазвучало «Голубое танго». Дити растаяла в моих руках. Если вы умеете танцевать танго, то вам не до разговоров.

Дити умела. Прошла целая вечность чувственного блаженства, пока, строго с последним аккордом, я наконец не вернул ее в исходную позицию. Я поклонился и шаркнул ногой, она ответила глубоким реверансом.

— Благодарю вас, сэр.

— Уф! После такого танго партнеры обязаны пожениться.

— Давайте. Я сейчас найду хозяйку дома и скажу папе. Встречаемся через пять минут. Где? У главного входа или у бокового?

Сказано все это было с выражением тихого счастья на лице.

— Дити, — спросил я, — вы не шутите? Вы действительно решили выйти замуж за *меня*? За совершенно незнакомого вам человека?

Ее лицо осталось невозмутимым, но свет в нем погас — и еще у нее опустились сосочки. Она спокойно ответила:

— После этого танго уже нельзя сказать, что мы совершенно незнакомы. Я поняла ваши слова так, что вы предлагаете мне... что вы хотите на мне жениться. Я ошиблась?

Мой мозг лихорадочно заработал, перебирая прошедшие годы, как это бывает, говорят, с утопающими, перед глазами которых проходит вся прожитая жизнь (а откуда, собственно, известно, что у них там проходит перед глазами?): тот дождливый денек, когда старшая сестра моего приятеля приобщила меня к тайнам; то странное ощущение, которое

я испытал, когда незнакомая девушка впервые принялась строить мне глазки; тот годовой контракт на совместное проживание, который начался на ура, а закончился без малейших сожалений; все те бесчисленные события, которые привели меня к твердому решению не жениться ни за что и никогда.

Я ответил немедленно:

— Вы поняли мои слова правильно. Я сделал вам предложение — в том самом, старомодном значении этого слова. Я действительно хотел бы стать вашим мужем. Но *вам-то* это зачем? Я совсем не подарок.

Она набрала полную грудь воздуха, ткань платья натянулась, и — хвала Аллаху! — сосочки снова вздернулись.

— Сэр, вы были подарком, который мне велели найти и доставить, но когда вы сказали, что теперь мы обязаны пожениться — я знала, что это всего лишь гипербола, — я вдруг почувствовала себя бесконечно счастливой и поняла, что доставить вас к папе именно *таким* способом я бы хотела больше всего на свете! — Она запнулась. — Впрочем, не буду ловить человека на слове и злоупотреблять его благородством. Если хотите, пойдите в эти ваши кусты. И можете *не* жениться. Только вот что, — решительно заявила она, — в уплату за то, что вы меня трахнете, вы поговорите с моим отцом и позволите ему кое-что вам показать.

— Дити, что за глупость! Вы же там испортите это прелестное платье.

— Ну и подумашь! В конце концов, я могу его снять. Возьму и сниму. Тем более что под ним ничего нет.

— Под ним ой-ой-ой что есть!

На это она улыбнулась, но тут же снова нахмурилась:

— Благодарю вас. Ну что, пошли в кусты?

— Да погодите вы! Я сейчас, кажется, поступлю как порядочный человек, а потом буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Дити, вы ошиблись. Ваш отец хочет говорить вовсе не со мной. Я ничего не понимаю в *n*-мерной геометрии. — Откуда у меня эти приступы честности? Вроде бы я ничем не заслужил такой напасти.

— Папа считает, что понимаете, этого достаточно. Ну пошли, пошли. Я хочу поскорее увезти папу отсюда, пока он не надавал кому-нибудь по морде.

— Не торопитесь. Я не просил вас ерзать со мной на травке, я сказал, что хочу на вас *жениться* — но при этом мне хотелось бы знать, почему вы хотите за меня замуж. Вы мне сказали, что от меня нужно вашему отцу. Но я не собираюсь жениться на вашем отце, он не в моем вкусе. Скажите, наконец, за себя, Дити. Или оставим этот разговор. — Интересно, я мазохист, да? Там за кустами есть пляжный лежак.

С торжественным видом она оглядела меня снизу доверху, от моих вечерних легинсов до сбившейся на сторону бабочки и короткого ежика на голове — всю стодевяносточетырехсантиметровую орясину.

— Мне нравится, как вы ведете даму в танце. Мне нравится, как вы выглядите. Мне нравится ваш рокочущий голос. Мне нравится, как вы виртуозно играете словами: прямо какой-то диспут Уорфа¹ с Коржибски² под председательством Шеннона³.

Она еще раз набрала полную грудь воздуха и закончила почти печально:

— А больше всего мне нравится, как от вас пахнет.

Ну, тут требовалось незаурядное обоняние: полтора часа назад я был чистехонек, просто скрипел весь, а чтобы вспотеть, мне одного вальса и одного танго мало. Но этот комплимент располагал к Дити необычайно — впрочем, в ней все располагало. Большинство девушек, желая сделать комплимент мужчине, не находят ничего лучше, как пощупать

¹ Бенджамин Ли Уорф — американский ученый, один из создателей гипотезы лингвистической относительности. — *Примеч. перев.*

² Граф Альберт Коржибски (1879–1950) — поляк по происхождению, создал теорию «общей семантики», базирующуюся на способности передавать идеи от поколения к поколению, и в 1938 г. возглавил одноименный институт в Чикаго. В 1933 г. выпустил книгу «Наука и здравый смысл», в которой изложил основные тезисы своего учения, утверждая, что «всеобщая семантика» дает возможность человеку быстро превратиться в сверхчеловека. Идеи Коржибски оказали заметное влияние на творчество ряда американских фантастов — прежде всего, Альфреда Э. Ван Вогта и Л. Рона Хаббарда. — *Примеч. перев.*

³ Клод Элюд Шеннон — американский инженер и математик, заложивший основы теории информации. — *Примеч. перев.*

ваш бицепс и воскликнуть: «Боже мой, какой вы сильный!» Я ответил ей улыбкой:

— От вас тоже чудесно пахнет. От ваших духов мертвый и тот воскреснет.

— Я не душилась.

— А, ну так, значит, от ваших природных феромонов. Они восхитительны. Идите возьмите свою накидку. У бокового входа. Через пять минут.

— Слушаюсь, сэр.

— Скажите вашему отцу, что выходите за меня замуж. На интересующую его тему я поговорю с ним бесплатно. Я принял это решение еще до того, как вы стали меня уговаривать. Он быстро поймет, что я не Лобачевский.

— Это уже его забота, — ответила она на ходу. — Вы позволите ему показать вам ту штуку, которую он соорудил у нас в подвале?

— Ну конечно. А что это за штука?

— Машина времени.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В нашей вселенной полно бессмыслицы...

ЗЕБ:

«...И семь громов проговорили голосами своими. И произошли молнии, и землетрясение, и великий град...»

Да, в нашей Вселенной полно бессмыслицы. Подозреваю, что ее строили по правительственному заказу.

— И большой у вас подвал?

— Средний. Девять на двенадцать. Но он весь забит. Рабочие столы и разное электрооборудование.

Сто восемь квадратных метров... Потолок, должно быть, два с половиной... Пожалуй, папа здорово просчитался, как тот парень, который построил лодку в своем подвале...

Мои размышления были прерваны громким возгласом:

— Вы заучившийся тупой педант и бездарь! Ваша математическая интуиция сдохла, едва вы закончили школу!

Я не узнал кричавшего, но зато прекрасно знал того надутого типа, к которому он обращался: профессор Дональд Уолтер Бин, декан математического факультета, — Господи, помоги тем студентам, что пишут заявления на имя «профессора Д. У. Бина». Бинни провел всю свою жизнь в поисках Истины — собираясь по обнаружении засадить ее под домашний арест.

Профессор надулся, словно зобастый голубь, исполненный напыщенного профессионального гнева. Вид у него был такой, будто он рождает дикобраза.

Дити ахнула:

— Ну вот, началось! — и рванула туда, где разгорался скандал.

Что касается меня, то я от скандалов стараюсь держаться подальше. Я жуткий трус и хожу в фальшивых очках без диоптрий в качестве буфера, и, пока какой-нибудь болван разорется: «А ну-ка, снимите с него очки!», я успеваю слинять по-быстрому.

Я двинулся к месту скандала.

Дити стояла между его участниками, лицом к кричавшему, и говорила тихо, но твердо:

— Папа, не смей. Опять мне вытаскивать тебя из истории, да?

Она пыталась выхватить у него очки — явно для того, чтобы надеть их ему обратно. Судя по всему, он снял очки, изготовившись к бою. Он держал их так, чтобы она не могла до них добраться.

При моем росте мне не составило труда дотянуться до очков, отобрать их и вручить Дити. Она ответила мне улыбкой благодарности и надела их на отца. Тот сдался и не стал сопротивляться. Она решительно взяла его под руку.

— Тетя Хильда! — К месту происшествия подоспела хозяйка дома.

— Что такое, Дити? Зачем ты их остановила, детка? Мы даже не успели сделать ставки.

Драки на званых ужинах у Шельмы Корнерс — в порядке вещей. Еду и питье она обеспечивает в изобилии, музыку — непременно в живом исполнении; эксцентричные гости у нее бывают, скучные — никогда. Так что присутствие Д. У. Бины меня удивило.

И тут я понял, что здесь произошло: спланированное соединение несовместимых компонентов.

На вопрос Хильды Дити отвечать не стала.

— Тетя Хильда, ты нас извинишь, если мы с папой и с мистером Картером сейчас уйдем? У нас появилось срочное дело.

— Ты с Джейком пожалуйста, но при чем тут Зебби? Это нечестно — его уволакивать.

Дити взглянула на меня:

— Можно я скажу ей?

— А? *Разумеется!*

Объясниться нам помешал надутый осел Бинни:

— Миссис Корнерс, доктор Берроуз не имеет права уйти, не извинившись! Я настаиваю! Он оскорбил меня!

Хозяйка дома окинула его презрительным взглядом:

— *Merde*¹, профессор. Не путайте меня со своими аспирантами. Можете наорать на Джейка Берроуза, если хотите. Мы с удовольствием послушаем — если, конечно, у вас получится так же выразительно, как у него. Но *еще хоть одно словечко* этим вашим приказным тоном мне или одному из моих гостей — и вы отсюда пулей вылетите! И тогда уж извольте проследовать прямо к себе домой, поскольку вас будет разыскивать ректор! — Она повернулась к нему спиной. — Дити, ты, кажется, собиралась мне что-то сказать?

Хильду Корнерс не зря называют Шельмой, она способна поставить по стойке «смирно» даже налогового инспектора. Она не стала заниматься Бином всерьез — просто дала предупредительный выстрел в воздух, — но выражение лица у него было такое, как будто она его выпорола. Впрочем, я не успел увидеть, хватит ли его удар: надо было ответить Хильде.

— Это не Дити собиралась, Хильда: это я собирался.

— Успокойся, Зебби. Что бы ты мне ни сказал, я отвечу «нет». Ну, Дити? Что там у тебя, дорогая?

Упрямство у Хильды Корнерс как у того мула. Переиграть ее можно разве что увесистой бейсбольной битой, и не воспользовался я этим способом только потому, что она едва достает мне до подмышек и весит каких-нибудь сорок с небольшим кило. Я приподнял ее за локти и повернул лицом к себе:

— Хильда, мы собираемся пожениться.

— Зебби, дорогой! Я уж думала, ты *никогда* мне этого не скажешь.

— Не с тобой, старая ведьма! С Дити. Я сделал ей предложение, она согласилась; я хочу завершить операцию немедленно, пока не отошла анестезия.

— Это разумное соображение, — сказала Хильда с ноткой заинтересованности. Она вытянула шею, чтобы через мое

¹ Дерьмо (фр.). — Примеч. С. В. Голд.

плечо посмотреть на Дити. — Он тебе что-нибудь говорил про свою жену в Бостоне, Дити? Или про близнецов?

Я опустил ее, позволив стать на ноги.

— Молчи, Шельма, это серьезно. Доктор Берроуз, я холост, здоров, платежеспособен и могу содержать семью. Надеюсь, вы дадите согласие на наш брак.

— Папа говорит «да», — ответила Дити. — У меня доверенность на ведение дел от его имени.

— Ты тоже молчи, Дити. Моя фамилия Картер, сэр, Зеб Картер. Я живу в кампусе, можете навести обо мне справки. Но я хотел бы жениться на Дити немедленно, если, конечно, она не возражает.

— Я знаю, как вас зовут. Я уже навел справки. Моего согласия не требуется, Дити совершеннолетняя. Впрочем, я согласен. Только вот что... — озабоченно добавил он. — Если вы женитесь прямо сейчас, то вам, скорее всего, будет некогда беседовать со мной о деле, а? Или все-таки найдете время?

— Найдет, папа, найдет. Мы обо всем договорились.

— Вот как? Хильда, спасибо за чудесный вечер. Я тебе позвоню завтра.

— Никуда не позвонишь. Ты явишься лично и дашь мне полный отчет. И имей в виду, Джейк: в свадебное путешествие ты с ними *не едешь*. А то я тебя знаю. Я все слышала — даже не думай, Джейк, медовый месяц они проведут *без тебя*.

— Тетя Хильда, ну не надо! Ну пожалуйста! Я все устрою.

У бокового выхода мы оказались почти точно в условленное время. На стоянке возник спор: на чьей машине ехать. Моя, вообще-то, двухместная, но в случае нужды в ней усядутся четверо: есть два задних сиденья, вполне приемлемые для недолгих поездок. У них был четырехместный семейный седан, не скоростной, но зато просторный, а главное — в нем находились их вещи.

— Сколько у вас багажа? — спросил я у Дити, прикидывая: две сумки уместятся на одном из задних сидений, а мой будущий тесть как-нибудь устроится на другом.

— У меня немного, а у папы две большие сумки и толстый кейс. Да ты сам посмотри.

— Да, пожалуй. — Про себя я чертыхнулся. Я предпочитаю собственную тачку. Терпеть не могу водить чужие машины; не исключалось, что Дити водит так же блестяще, как танцует, но наверняка-то я этого *не знал*, а потому побаивался. Что до ее отца, то его кандидатура в качестве водителя даже не подлежала обсуждению: человеку с таким неуравновешенным характером как-то не хочется вверять свою жизнь и здоровье. Может быть, Дити уговорит его ехать отдельно, следом за нами? Во всяком случае, моя невеста поедет *со мной!* — Ну, так где они, ваши вещи?

— Вон там, в дальнем углу. Сейчас отопру и зажгу свет. — Она залезла к отцу во внутренний карман пиджака и достала «волшебную палочку».

— Меня, меня подождите! — раздался вдруг крик нашей хозяйки. Хильда бежала к нам по дорожке от своего дома, в одной руке у нее болталась сумочка, в другой развевались примерно восемь тысяч нью-долларов в виде рыжей норковой накидки.

Мы снова стали выяснять, кто на чем поедет. Как я понял, Шельма решила составить нам компанию, чтобы приглядеть за Джейком — как бы чего не натворил, а задержалась потому, что объясняла Максу (это ее вышибала, дворецкий и шофер), как обходиться с пьяными: вышвыривать вон или укрывать одеялом. Выслушав Дити, она объявила:

— Так, ясно. Мы с Джейком едем на вашей машине, я с ней отлично управлюсь. А ты, милая моя, поедешь с Зебби. — Она повернулась ко мне. — Зебби, поедешь медленно, чтобы я за тобой успевала. И пожалуйста, без фокусов. Не вздумай оторваться, а то натравлю на тебя копов.

Я посмотрел на нее своими большими невинными глазами:

— Что ты, Шельмочка, милая, ты же знаешь, что я бы так никогда с тобой не поступил.

— Я тебя знаю, рожа бандитская, ты мэрию сопрешь, если только найдешь способ ее увезти. Кто, скажи, пожалуйста, вывалил ко мне в бассейн ту гору фруктового желе?

— Я тогда был в Африке, ты прекрасно это знаешь.

— Рассказывай! Дити, дружочек, держи его на коротком поводке и не корми мясом. Но замуж за него выходи: он у нас богатенький. Ну ладно, где твой дистанционный пульт? И где ваша машина?

— Вот, — сказала Дити, продемонстрировав «волшебную палочку», и нажала кнопку.

Я сгреб всех троих в охапку и повалил на землю. Мы упали как раз в тот момент, когда взрыв разметал все в клочья. Все, кроме нас. Корпусы машин приняли удар на себя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

...Профессора Мориарти так просто не перехитришь...

ЗЕБ:

Не спрашивайте, как это у меня получилось. Спросите акробата, как он делает сальто-мортале. Спросите игрока, откуда он знает, что надо идти ва-банк. Но не спрашивайте меня, как мне удастся предвидеть такие вещи за миг до того, как они произойдут.

Получается это только тогда, когда дело действительно серьезное. Я не могу сказать, что содержится в письме, пока его не распечатаю (однажды смог, но в тот раз в конверте была бомба). Я не способен предугадывать безобидные события. Но без этого знания, приходящего в последнюю долю секунды, я вряд ли сумел бы долго оставаться живым и относительно невредимым в нашу эпоху, когда от рук убийц погибает больше народу, чем от рака, и когда излюбленный способ покончить с собой — это забраться с винтовкой на какую-нибудь башню и постреливать оттуда, пока спецназ с тобой не разберется.

Я не *вижу* за поворотом машину, которая сейчас вылетит на встречу, я просто автоматически сворачиваю в кювет. Когда началось землетрясение в Сан-Андреасе, я выпрыгнул из окна и к моменту толчка уже был под открытым небом, а почему выпрыгнул, и понятия не имел.

В остальном же мои экстрасенсорные способности более чем ненадежны: я их покупал по дешевке на распродаже излишков военного оборудования.

Я растянулся сверху, пытаюсь прикрыть всех троих сразу, а потом быстро вскочил, чтобы кого-нибудь не придавить, подал руки женщинам и помог подняться папочке. Все были

цели. Дити смотрела на пламя, вздымавшееся там, где только что стояла их машина, и личико у нее было невозмутимое. Ее отец что-то искал на земле. Дити остановила его:

— Вот, папа. — И водрузила обратно ему на нос свалившиеся очки.

— Спасибо, милая. — Он направился было к огню. Я схватил его за плечо:

— Нет! Ко мне в машину, *быстро!*

— А мой кейс? Вдруг его еще можно спасти.

— Без разговоров! Все за мной!

— Папа, не спорь. — Хильду Дити просто потащила за руку. Мы запихнули старших на задние сиденья, я посадил Дити на переднее, рывкнул: «Ремни!», захлопнул дверь и обжег вокруг машины со сверхзвуковой скоростью.

— Ремни пристегнули? — спросил я, пристегнувшись сам и задравив дверцу.

— Джейк пристегнут, я тоже, Зебби, — радостно пропела Хильда.

— Ремни пристегнуты, дверь заперта, — отрапортовала Дити.

Двигатель работал, я оставил его включенным на малых оборотах — какой толк от скоростной машины, если она не может рвануть с места? Я переключился с малых оборотов на полные, бросил взгляд на приборы и, не включая огней, отпустил тормоз.

Как известно, в пределах города аэромобилям предписывается передвигаться без отрыва от земли — вот я сразу и задрал нос машины кверху, так что она и метра по городу не проехала, а взмыла вертикально прямо со стоянки.

Примерно полкилометра мы шли вверх с нарастающим ускорением: два g , три, четыре. На пяти g я ее придержал, не будучи уверен, что папочкино сердце выдержит такую перегрузку. Когда альтиметр показал четыре километра, я вырубил все: двигатель, транспондер, приборы, потом ударил по кнопке, сбрасывающей ложные цели, — и пустил машину в свободный полет по баллистической траектории. Я не *знал*, отслеживает нас кто-нибудь или нет, — да и не хотел знать.

Как только мы перестали набирать высоту, я осторожненько выдвинул крылья. Убедившись, что мы легли на воз-

дух, я сделал бочку, поставил крылья в дозвуковую конфигурацию, и мы перешли в планирующий полет.

— Ну как, целы?

— Ух, дружочек, — нервно хихикнула Хильда. — Ну и номер был! Давай еще разок, только пусть на этот раз меня кто-нибудь поцелует.

— Заткнись, старая бесстыжая греховодница. Папа, вы как?

— Я в порядке, сынок.

— Дити?

— Все в норме.

— Ты не ушиблась там, на стоянке, когда мы падали?

— Никак нет, сэр, я успела сгруппироваться и принять удар на левую ягодицу, а заодно подхватить папины очки. Но в следующий раз, пожалуйста, подставь кровать. Или хотя бы мат потолок.

— Учту на будущее. — Я включил радио (но не транспондер) и прошелся по всем полицейским частотам. Если кто-то и заметил наши маневры, в эфире о них никаких разговоров не было. Мы снизились до двух километров; я сделал резкий вираж вправо и включил мотор.

— Дити, где вы с папой живете?

— В Логане, штат Юта.

— Сколько там нужно времени, чтобы зарегистрировать брак?

— Зebби, — вмешалась Хильда, — в Юте нет срока ожидания...

— Ну вот и отлично, поехали в Логан.

— ...Но зато там требуют анализ крови. Дити, ты знаешь, какое у Зebби прозвище в кампусе? Его называют Вас-Положить, то есть Вассерман-положительный¹. Зebби, всем известно, что единственный штат, где браки регистрируются круглосуточно, без срока ожидания и без анализов, — это Невада. Так что нацеливай свою бомбу на Рино, там и распишетесь.

— Шельма, лапочка, — мягко сказал я, — ты не хочешь прогуляться две тысячи метров до дому?

¹ Проба Вассермана — анализ на наличие сифилиса. — *Примеч. перев.*

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. БАБОЧКА МАНДАРИНА	7
Часть вторая. МАНДАРИНОВЫЕ БАБОЧКИ	229
Часть третья. СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНИЕ	541
L'ENVOI	677
<i>С. В. Голд. Исчезновение панкéров.</i>	<i>724</i>